Е. П. Вишняковъ.
Дѣйствительный Членъ Императорскаго Географическаго Общества.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА

(Наброски перомъ и фотографіею).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1894.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА.

Е. П. Вишняковъ.

Дѣйствительный Членъ Императорскаго Географическаго Общества

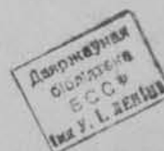
БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА

(Наброски перомъ и фотографіею).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Марта 1894 года.

Типографія и фототипія В. И. Штейна, М. Морская, 20.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА.

Бѣловѣжская пуща, этотъ остатокъ старинныхъ дебрей Литвы, находится въ Пружанскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи и занимаетъ огромную площадь, почти сплошь покрытую старымъ, преимущественно, хвойнымъ лѣсомъ. Наибольшая длина ея съ сѣвера на югъ простирается до 43 верстъ, ширина—отъ 26 до 34 верстъ. По послѣдней съемкѣ, произведенной въ 1890 году, общая площадь пущи равняется 115.114,25 десятинамъ или 1120 кв. верстамъ. Чистаго лѣсного насажденія въ дачахъ Бѣловѣжской и Свислочской числится 96813 дес.

Въ старое время, какъ и теперь, Бѣловѣжская пуща входила въ составъ удѣльныхъ—только не Императорскихъ, но королевскихъ лѣсовъ и славилась разнообразіемъ водившейся въ ней дичи. Въ самой серединѣ пущи уже въ старину въ селеніи Бѣловѣжъ находилось мѣсто жительства главнаго лѣсничаго. Лѣса пущи уже въ XVI столѣтіи приносили извѣстный доходъ какъ отъ продажи деревьевъ, такъ равно и отъ добыванія поташа, смолы, дегтя и угля; тамъ же занимались и пчеловод-

ствомъ, остатки котораго существуютъ доселѣ и доставляютъ медъ, славящійся своими цѣлебными свойствами.

Уже въ XVI столѣтіи обращено было вниманіе на сбереженіе, въ лѣсахъ пущи зубра, за убіеніе котораго Литовскій статутъ 1588 г. установилъ штрафъ въ 64 руб. и 24 коп. на наши деньги. На границахъ пущи, а равно въ серединѣ ея, были около того-же времени поселены семейства стрѣлковъ, обязанныхъ являться на королевскія охоты и поставлять конныя подводы. Кромѣ стрѣлковъ въ пущѣ поселены были семейства лѣсной стражи, на обязанности которой возложена была забота объ охраненіи самаго лѣса. Такимъ образомъ и образовались постепенно тѣ деревни и поселки, земельныя угодья которыхъ нынѣ врѣзываются въ пущу.

Пуща расположена на возвышенности, составляющей часть водораздѣла бассейновъ Балтійскаго и Чернаго морей. Поверхность ея составляетъ плоская, слегка возвышенная равнина со склономъ во всѣ стороны. Группы невысокихъ холмовъ придаютъ ей слегка волнообразный видъ. Болотистыхъ мѣстъ въ пущѣ до 1000 десятинъ. Изъ этихъ болотъ берутъ начало рѣки Наревъ, Наревка, Ясельда, Россъ, Лѣсна и другія, разбѣгающіяся въ разныя стороны къ притокамъ Вислы, Нѣмана и Припяти. Долины рѣчекъ, большей частью, болотисты, а самыя русла заростаютъ осокою и камышемъ. Весною и въ дождливое лѣто, въ полую воду, возможенъ сплавъ лѣса и для усиленія его предприняты нынѣ работы по углубленію и выпрямленію руслъ, что въ будущемъ обезпечитъ сплаву большую продолжительность. Почва пущи большею частью песчаная и твердая; рыхлый песокъ—въ рѣдкость.

По свойству и изобилію древесныхъ породъ, разнообразію насажденій, размѣрамъ деревьевъ, Бѣловѣжской пущѣ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди лѣсныхъ дачъ Имперіи. По возрасту лѣсонасажденія, въ пущѣ считается: лѣса до 50 лѣтняго возраста 5.9%, до 100 лѣтняго 28,6%, до 150 лѣтняго возраста 34,7%, и болѣе 150 лѣтняго 31,5%. Такимъ образомъ, въ общемъ можно утверждать, что растительность пущи весьма внушительная: ель и сосна достигаютъ здѣсь до 230-лѣтняго возраста, а дубъ до 300-лѣтняго.

По присоединеніи Литовскихъ губерній, въ царствованіе Екатерины II, многіе участки пущи были розданы въ вѣчное и временное пользованіе разнымъ заслуженнымъ лицамъ. Императоръ Александръ I, въ 1803 году, желая сохранить породу зубровъ, сдѣлалъ пущу заповѣдною и съ тѣхъ поръ право охоты на этого звѣря разрѣшается не иначе, какъ, каждый разъ, съ особаго Высочайшаго соизволенія. Въ царствованіе Императора Николая I пуща раздѣлена просѣками на 541 двухъ-верстные кварталы, а съ тѣмъ вмѣстѣ точно вычислена площадь лѣса, подъ которымъ насчитано 87968 дес. 800 с. Нынѣ площадь лѣса, какъ мы уже видѣли, значительно увеличилась: объясняется это тѣмъ, что къ пущѣ присоединены сосѣдніе лѣса и разбита она нынѣ уже на 934 квартала.

Въ самой пущѣ, а равно въ ближайшихъ ея окрестностяхъ находится 9 селеній и не менѣе 68 крестьянскихъ участковъ разной величины, что портитъ цѣльность пущи и затрудняетъ лѣсное управленіе ею.

Медленное теченіе рѣкъ и болотистость береговъ, не благопріятствуютъ сплаву лѣса — это, конечно, и

было одной изъ причинъ сохраненія лѣса, а желаніе сберечь водящихся въ пущѣ зубровъ и издававшіеся съ этою цѣлью, въ разное время, законы сохранили одну изъ самыхъ старыхъ лѣсныхъ площадей, остатокъ древнѣйшихъ лѣсовъ срединной Европы, столь же нынѣ рѣдкихъ, какъ и уцѣлѣвшая въ Бѣловѣжѣ порода зубровъ.

Климатъ пущи, сравнительно съ окружающей мѣстностью, довольно суровъ. Переходы отъ знойнаго лѣтняго дня къ довольно чувствительному холоду здѣсь не въ рѣдкость, какъ не рѣдки и сильныя грозы съ проливными дождями и порывистыми вѣтрами, во время которыхъ не одинъ изъ старыхъ могиканъ лѣсного царства, съ шумомъ и трескомъ падая на землю, кончаетъ свое продолжительное существованіе. По количеству растущихъ въ пущѣ деревьевъ первое мѣсто занимаетъ сосна, отличающаяся превосходными качествами древесины, дѣлающими этотъ сортъ дерева чрезвычайно цѣннымъ. Затѣмъ слѣдуетъ ель, засоряющая чистыя насажденія сосны и встрѣчающаяся отдѣльными густыми порослями среди лѣса другихъ породъ. Дубы лишь изрѣдка растутъ отдѣльными островами, но встрѣчаются преимущественно въ смѣси съ другими породами. На открытыхъ полянахъ дубы достигаютъ могучихъ размѣровъ.

Затѣмъ идутъ ясень, липа, грабъ, береза, ольха, осокорь, тополь, осина, кленъ и вязъ. Между лиственными породами попадаются и разные сорта кустарниковъ: орѣшникъ, жимолость, крушина, терновникъ, можевельникъ и другіе.

Это разнообразіе древесныхъ породъ придаетъ пущѣ особый характеръ и колоритъ.—Какъ въ калейдоскопѣ яркая и темная зелень, постоянно мѣняясь.

рисуется на темномъ фонѣ голубаго неба. Всѣ деревья съ особенною энергіею стремятся въ высь къ солнечному свѣту, на которомъ красиво и граціозно развиваютъ свои кроны. Стволы громадныхъ сосенъ, словно стройныя колонны таинственнаго храма, куполъ котораго составляютъ сплетающіяся ихъ вершины, придаютъ особое величіе внутренности лѣса и общій тонъ его еще болѣе выигралъ бы, если-бы не пестрился молодою зарослью.

Молодой лѣсъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы поскорѣе вырваться изъ тѣни и мрака и выйти на просторъ—на свѣтъ Божій. Этотъ молодой лѣсъ—залогъ всей будущности пущи и ея долговѣчности—повсюду засѣлъ между старыми, доживающими свой вѣкъ великанами и, несмотря на свои уже довольно значительные размѣры, кажется ничтожнымъ въ сравненіи съ ними.

До перехода пущи изъ казны въ удѣльное вѣдомство, для пользованія лѣсными ея богатствами безъ ущерба для ея цѣльности, рубка производилась частями и лѣсъ былъ раздѣленъ на участки съ разсчетомъ на 180-лѣтній оборотъ.

Нынѣ вырубка производится тоже по участкамъ, но изъ нихъ выбираются лишь старыя окончившія свой ростъ деревья, которыя для этой цѣли отмѣчаются особыми таксаторами.

Кромѣ большихъ, хорошихъ грунтовыхъ дорогъ и просѣкъ по всему лѣсу проложено много второстепенныхъ, по которымъ удобно не только пройти, но и проѣхать въ незатѣйливыхъ мѣстныхъ экипажахъ—правда, не безъ сильной тряски отъ проходящихъ черезъ дороги толстыхъ древесныхъ корней.

Большое количество дорогъ и просѣкъ даетъ воз-

можность основательно ознакомиться съ характеромъ пущи, но значительные размѣры ея требуютъ для этого не мало времени.

Древность лѣсного насажденія легко можетъ не побывавшаго въ Бѣловѣжской пущѣ повести къ ошибочному представленію о томъ, будто пуща сплошь состоитъ изъ крупнаго лѣса—въ дѣйствительности это далеко не такъ. Крупные экземпляры лѣсныхъ великановъ здѣсь, правда, очень часты, но рѣдко встрѣчаются сплошными массами, засѣдающими на одномъ участкѣ; точно также рѣдко попадаются чистыя лѣсонасажденія, безъ примѣси постороннихъ породъ. Какъ въ хвойное, такъ и въ лиственное насажденія всюду проникла непрошенною гостьею ель и забиваетъ собою красоту солидныхъ сосенъ и дубовъ, мѣшая картинности, которую здѣсь съ большимъ трудомъ станетъ искать, въ чистомъ и цѣльномъ видѣ, художникъ или любитель природы. Въ пущѣ очень много невиданныхъ великановъ, про которыхъ смѣло можно сказать, что, разсматривая ихъ, шапка съ головы летитъ. Эти великаны—красавцы въ полномъ смыслѣ слова и можно пожалѣть, что, рядомъ съ ними и портя чудную гармонію величественнаго ихъ характера, засѣла тонкая ель, не кстати рисующаяся своею темною зеленью на красивомъ яркомъ фонѣ толстыхъ штамбовъ сосны или же среди яркой бархатной зелени могучихъ дубовъ, далеко раскидывающихъ свои величественные сучья. Засѣла она также не кстати и въ сплошномъ грабовомъ лѣсу, золотистая зелень котораго, подъ яркими солнечными лучами, придаетъ пейзажу очаровательный и чрезвычайно граціозный характеръ: серебро стволовъ, яркія пятна засѣвшаго кое гдѣ на нихъ мха и красиво

изогнутыя тонкія вѣтви, полная тишина и какая-то таинственность столь заманчивы, что цѣлый вѣкъ не вышелъ бы оттуда. Находясь среди этой мягкой и изящной картины, забываешь что стоишь въ глубинѣ старой пущи и только тамъ и сямъ разбросанныя груды, уже сгнившаго валежника, давно погребенныя подъ толстымъ пушистымъ слоемъ яркозеленаго мха, своими гигантскими размѣрами даютъ представленіе о сѣдой старинѣ, о многихъ вѣкахъ этого уцѣлѣвшаго уголка временъ давно минувшихъ.

Наряду съ выдающимися, по своимъ размѣрамъ, деревьями, обыкновенный крупный лѣсъ какъ-то принижается и теряетъ свое величіе. Невольно хочется сгруппировать этихъ великановъ, хочется скомпановать изъ нихъ подходящую картину и, вотъ, ходишь по лѣсу и ищешь того, что создаетъ разыгравшееся воображеніе—ищешь этой созданной фантазіею картины, ищешь и не находишь: вездѣ старое старится, а молодое растетъ.

Въ Бѣловѣжской пущѣ можно найти много такихъ мѣстъ, очистивъ которыя отъ портящей ихъ молодой заросли ельняка, получились-бы чудныя лѣсныя картины, прямо просящіяся на полотно,—картины, подобныхъ которымъ врядъ ли гдѣ можно найти. Можно представить себѣ, какъ хорошъ и величественъ этотъ чудный лѣсъ зимою, когда снѣгъ и иней запушатъ его серебромъ, когда низко въ это время ходящее солнце, просвѣчивая черезъ хвою, придаетъ ей золотистый оттѣнокъ и когда концы вѣтокъ сосны, покрытые какъ бы цвѣтами бѣлоснѣжныхъ тюльпановъ, тихо качаясь, кажется, навѣваютъ тотъ крѣпкій сонъ, въ который погружено все окружающее, одѣтое въ пышный нарядъ. Какъ хорошъ долженъ быть этотъ лѣсъ

при восходѣ солнца, окрашиваясь нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ! Какая чудная и величественная тишина наполняетъ этотъ уголокъ лѣснаго царства и какъ умѣстна эта тишина въ такомъ мѣстѣ, гдѣ старые великаны, считающіе свой вѣкъ не въ одну сотню лѣтъ, какъ бы уснули или, задумавшись, перебираютъ въ своей памяти все видѣнное и слышанное.

Къ дикой и мощной красотѣ пущи совершенно гармонично подходитъ и зубръ — эта рѣдкая порода звѣря, которая, кажется, только здѣсь и сохранилась. Говорятъ впрочемъ, будто зубръ водится въ глухихъ, мало доступныхъ мѣстностяхъ Кавказа, на высотахъ главнаго хребта -- по крайней мѣрѣ указанія на это встрѣчаются у Ловица, Гольденштейна, Розена, Бера, Эйхвальда и Нормана.

Въ Западной Европѣ зубра, какъ особую рѣдкость, можно найти развѣ только въ публичныхъ звѣринцахъ, куда онъ попадаетъ, предварительно доставленный въ видѣ подарковъ, изъ Бѣловѣжской пущи разнымъ Высочайшимъ Особамъ. Эта рѣдкая порода дикаго вола, надо полагать, водилась прежде во всей южной Европѣ, но тамъ уже давно вывелась. За 300 лѣтъ до Рождества Христова Аристотель упоминаетъ о дикомъ волѣ, водящемся въ сосѣдней съ Македоніею Пеоніи; объ немъ же упоминаетъ Юлій Цезарь, называя его bos urus. По описанію Цезаря это было громадное животное, походившее на домашняго вола, но отличавшееся быстротою, дикостью и свирѣпостью. Тацитъ утверждаетъ, что Фризы въ правленіе Тиберія взбунтовались потому, что отъ нихъ требовалась подать зубровыми шкурами извѣстной величины; другіе историки говорятъ о бизонѣ, но всѣ эти указанія не даютъ права въ точности заклю-

чать, что упоминаемая въ исторіи порода животныхъ есть та самая, остатки которой понынѣ водятся въ Бѣловѣжской пущѣ. Есть указанія на то, что въ восточныхъ Прусскихъ лѣсахъ послѣдній зубръ случайно убитъ однимъ изъ браконьеровъ въ 1755 году.

По наружному виду зубръ очень похожъ на американскаго бизона, котораго по справедливости можно считать роднымъ его братомъ. Разница между ними сводится къ тому, что бизонъ имѣетъ значительно большую гриву и лишнюю пару реберъ, которыхъ у него насчитывается 15 паръ. Въ общемъ зубръ—очень красивое и сильное животное, нѣсколько напоминающее домашняго быка. Средняя величина взрослаго зубра достигаетъ 8 ф. длины отъ роговъ до хвоста, высота отъ копытъ переднихъ ногъ до верхней части горба $5^1/_2$ ф., отъ копытъ заднихъ ногъ до крестца $4^1/_4$ футъ. Попадаются экземпляры и гораздо бо̀льшихъ размѣровъ, какъ напримѣръ убитый королемъ Августомъ III — длина его равнялась 11 футамъ, а вѣсъ 36 пудамъ. Туловище зубра необыкновенно крѣпко, передняя его часть гораздо массивнѣе и выше нежели задняя, голова у него короткая, лобъ широкій и выпуклый, шея толстая, плотная, снизу округленная, ноги короткія и толстыя, небольшой хвостъ имѣетъ на концѣ густую кисть. Пара большихъ, страшно злыхъ глазъ, мутный блескъ которыхъ, словно хочетъ навести ужасъ на все окружающее, широко разставлены въ стороны; поэтому зубръ не можетъ видѣть прямо передъ собою, а, разсматривая противника, мотаетъ головою изъ стороны въ сторону. Относительно короткіе, черные рога зубра выгнуты впередъ и серіозно угрожаютъ всякому звѣрю, на котораго онъ вздумаетъ излить свою злобу. Все тѣло зубра покрыто

густою шерстью, голое мѣсто представляетъ только небольшая часть носа. На головѣ, на передней части туловища и на груди шерсть удлинняется въ видѣ гривы, а на подбородкѣ и горлѣ образуетъ бороду. Лѣтній цвѣтъ шерсти—блестящій темно-бурый, зимою матовый сѣро-бурый; у телятъ и молодыхъ быковъ—шерсть красноватая или сѣроватая. Зубръ издаетъ звуки совершенно своеобразные, нѣсколько напоминающіе хрюканье свиньи. Зубры держатся стадами отъ 10 до 60 штукъ; въ каждомъ всегда бываетъ вожатый—или сильный самецъ, а иногда—самка. Старые зубры бродятъ въ одиночку и отличаются свирѣпостью. Гнѣвъ свой зубръ проявляетъ потрясеніемъ головы, рытьемъ земли ногами, взмахиваніемъ хвоста и облизываніемъ.

Лѣтомъ стада зубровъ, въ Бѣловѣжской пущѣ, рѣдко показываются человѣку; завидѣвъ его, они быстро скрываются въ глушь лѣса. Въ это время года болотистыя мѣста особенно привлекаютъ этихъ животныхъ, находящихъ здѣсь и болѣе сочную траву, и возможность выкупаться и отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ комаровъ; съ этой же цѣлью, на боровыхъ мѣстахъ, зубры разрываютъ песокъ, обрасываютъ имъ себя и сосѣдей и валяются, словно лошади. Зимою зубры выбираются на открытыя мѣста и кормятся на казенный счетъ; для этой цѣли во многихъ мѣстахъ пущи для нихъ заготовляются лѣсниками стога сѣна, которые складываются, по мѣрѣ надобности, въ особые сараи, вблизи которыхъ ставятся корыта съ овсомъ. Зубръ кормится преимущественно по ночамъ, а на день уходитъ на отдыхъ въ болѣе глухія мѣста. Зимою зубръ вообще становится менѣе пугливъ и нѣсколько привыкаетъ къ человѣку, котораго довольно часто видитъ. Въ это

время года его удавалось, и не однажды сфотографировать.

Въ началѣ зимы, обыкновенно по первой порошѣ, сводится общій счетъ зубрамъ. Въ 1824 году въ Бѣловѣжской пущѣ ихъ насчитывалось до 500 головъ, затѣмъ постепеннымъ сбереженіемъ этой рѣдкой породы, число ихъ къ 1860 году было доведено до 1575 штукъ, а въ настоящее время зубровъ имѣется до 1700 шт.

Малый относительно приплодъ зубровъ объясняется тѣмъ, что зубрица телится только въ три года разъ и кромѣ того нерѣдко самки остаются не стельными, потому что старые зубры отбиваютъ молодыхъ. Повальныя болѣзни неоднократно посѣщали пущу и производили среди стадъ зубровъ сильное опустошеніе и общая цифра ихъ порою падала чуть ли не до 300 головъ. Пора любви у зубровъ наступаетъ въ началѣ осени. Къ этому времени самцы дѣлаются чрезвычайно раздражительными: они роютъ землю рогами, вырываютъ съ корнями небольшія деревца и пробуютъ свою силу, стукаясь лбомъ и рогами о толстые стволы. Мѣсто поединковъ выбирается обыкновенно на небольшой полянкѣ; эту позицію и занимаетъ сильный быкъ, поджидая соперника, котораго приманиваетъ особымъ ревомъ и продѣлываетъ цѣлый рядъ угрожающихъ тѣлодвиженій. Соперникъ постепенно подходитъ, останавливаясь время отъ времени и приходя въ бо́льшую и бо́льшую ярость по мѣрѣ приближенія, въ свою очередь принимаетъ угрожающую позу и послѣ этого противникамъ остается только пустить въ дѣло свои короткіе и крѣпкіе рога. Съ трескомъ стукаются лбы, глаза, налитые кровью, выступаютъ изъ орбитъ, изо рта вывѣшивается языкъ. Послѣ первой схватки бойцы отступаютъ, измѣряютъ другъ друга и

не перестаютъ угрожать до новаго прилива бѣшенства и новой, болѣе ожесточенной, схватки, которая возрастаетъ въ страстности, по мѣрѣ продолженія боя, и нерѣдко оканчивается увѣчьемъ или смертью побѣжденнаго. Самки во время схватокъ держатся вблизи отъ мѣста поединка и слѣдятъ за ходомъ борьбы, награждая своимъ вниманіемъ болѣе сильныхъ и ловкихъ бойцовъ.

Корова носитъ 9 мѣсяцевъ и телится обыкновенно въ маѣ. Первый годъ теленокъ кормится преимущественно молокомъ матери, не покидая ее и весь второй годъ. Зубренокъ ростетъ медленно и лишь на шестомъ году становится способнымъ къ размноженію. Пока теленокъ не выростетъ, зубрица съ ожесточеніемъ его защищаетъ. Молодые телята, пойманные въ Бѣловѣжской пущѣ, по Высочайшему распоряженію, для отсылки въ подарокъ за границу, доставались не легко охотникамъ, такъ какъ самая поимка ихъ сопряжена съ громадными трудностями. Пойманные телята, несмотря на дикость, очень скоро принимаютъ услуги кормящихъ ихъ домашнихъ коровъ, даже приручаются, но по мѣрѣ роста опять дичаютъ и становятся на столько же свирѣпыми, какъ и ихъ родоначальники, выросшіе на родной почвѣ Бѣловѣжской пущи. Телята, вывезенные въ видѣ подарковъ за границу, стали родоначальниками цѣлыхъ стадъ и составляютъ лучшее украшеніе пріютившихъ ихъ зоологическихъ садовъ.

Несмотря на силу и мужество, зубры подвергаются опасности и безпокойствамъ со стороны своихъ враговъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ медвѣдь, волкъ и рысь. Отъ человѣка зубръ обращается въ бѣгство, конечно если его не раздражать, особенно если зубръ старый, такъ называемый одинецъ. Чрезвычайно тонкія

чувства во время указываютъ зубру на приближенiе человѣка. Только подкрадываясь подъ вѣтромъ, удается иногда къ стаду зубровъ приблизиться шаговъ на 100. Медвѣдь въ Бѣловѣжской пущѣ чрезвычайная рѣдкость; онъ тамъ не живетъ и лишь иногда заходитъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Только чрезвычайная нужда въ пищѣ заставляетъ медвѣдя нападать на такого сильнаго противника, какъ зубръ. Въ 1841 году въ Бѣловѣжской пущѣ былъ убитъ огромный медвѣдь, который заѣлъ стараго зубра. Пространство, на которомъ происходила схватка этихъ животныхъ, величиною около ста квадратныхъ саженъ, своимъ видомъ доказывало ожесточенность ихъ борьбы. По разсказамъ очевидцевъ, зубръ таскалъ медвѣдя на себѣ. Возможно, что и самъ зубръ первымъ напалъ на медвѣдя, такъ какъ уединенно бродящiе одинцы не выносятъ присутствiя другихъ животныхъ.

Волки нападаютъ на зубра не въ одиночку, а всегда по нѣскольку штукъ и съ большою хитростью отбиваютъ отъ стада болѣе слабаго и молодаго зубренка; впрочемъ и старый зубръ не выдерживаетъ нападенiя трехъ смѣлыхъ и предпрiимчивыхъ волковъ, въ особенности если они его загонятъ на голый ледъ, гдѣ ему неудобно держаться на скользкой поверхности. Рысь набрасывается съ дерева на спину зубра и задушаетъ его, но рысь теперь, стала большою рѣдкостью.

За случайно появляющимися въ лѣсахъ пущи хищными звѣрями учрежденъ строгiй надзоръ и для ихъ истребленiя немедленно устраиваются охоты.

Съ особеннымъ ожесточенiемъ нападаютъ сами зубры на лошадей, лосей и оленей; случалось, что этихъ послѣднихъ находили убитыми вблизи зубровыхъ сараевъ.

Сохранивъ въ Бѣловѣжской пущѣ породу такого

рѣдкаго звѣря, какъ зубръ, очень жаль, что не оказалось возможнымъ уберечь не менѣе рѣдкаго рѣчного бобра, который водился здѣсь въ изобиліи по рѣкамъ Наревѣ, Наровцу, Лѣснѣ, Лутовнѣ и другимъ. Самое названіе урочища Боровскъ, или Бровскъ, вѣроятно сокращенное отъ Бобровскъ, указываетъ на бобровъ, которые здѣсь прежде водились. Отъ цѣлаго ряда бобровыхъ построекъ на вышеназванныхъ рѣчкахъ теперь не осталось и слѣда. Прежніе польскіе и литовскіе законы оберегали этихъ животныхъ на столько, что запрещали владѣльцамъ мѣстъ, вблизи которыхъ водились бобры, пахать землю и косить луга, дабы тѣмъ не тревожить пугливыхъ звѣрьковъ. Бобровые мѣха славились прежде во всей странѣ, отправлялись за границу подъ наименованіемъ *польскихъ* и цѣнились очень дорого. Весьма вѣроятно, и теперь еще возможно бы было развести эту рѣдкую породу, для поселенія которой самая мѣстность Бѣловѣжской пущи какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ.

Въ старину, до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, охота на зубровъ производилась помощью загражденія мѣстъ, гдѣ они находились, сваленными деревьями, при чемъ въ середину спускались собаки и звѣрь нагонялся на разставленныхъ за толстыми стволами охотниковъ, вооруженныхъ копьями. Такая охота была далеко небезопасна и нерѣдко оканчивалась несчастными случаями. Охота производилась также и на лошадяхъ, преимущественно въ долинахъ, гдѣ лѣса не столь часты и раздѣлены большими прогалинами. Въ позднѣйшее затѣмъ время для охоты устраивались особыя изгороди, въ середину которыхъ предварительно загонялись животныя. Такіе загоны-звѣринцы устраивались не только

въ Гродненской губерніи, но и по всей Литвѣ. Сохранились указанія, какъ Ягелло, Витольдъ и позднѣйшіе польскіе короли охотились на зубра въ Бѣловѣжской пущѣ. На этихъ охотахъ присутствовали даже дамы, причемъ, напр., супруга польскаго короля Александра Елена чуть не поплатилась жизнью, упавъ съ будки, столбы которой рухнули подъ напоромъ разсвирѣпѣвшихъ животныхъ. Стефанъ Баторій также посѣщалъ пущу и въ память бывшей при немъ охоты гора, расположенная недалеко отъ дороги изъ Гайновки въ Бѣловѣжъ, до сихъ поръ носитъ названіе Баторіевой. Августъ II въ 1705 году здѣсь былъ помятъ медвѣдемъ. Въ центрѣ Бѣловѣжской пущи, при деревнѣ Бѣловѣжѣ, и теперь еще находится памятникъ изъ сѣраго песчаника въ 16 футъ вышины, поставленный въ воспоминаніе бывшей въ 1752 году, 27 сентября, охоты короля Августа III.

Послѣ Высочайшаго запрещенія, состоявшагося въ 1803 году, охота на зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ совсѣмъ не производилась до осени 1860 года; въ воспоминаніе-же охоты 1860 г. поставленъ памятникъ, изображающій бронзоваго зубра въ натуральную величину на высокомъ пьедесталѣ. На бокахъ пьедестала обозначены какъ лица, участвовавшія на охотѣ, такъ равно и количество убитой дичи. Бронзовый зубръ находится у самаго входа въ звѣринецъ; онъ окруженъ живою изгородью, внутри которой растутъ деревья, посаженныя участвовавшими въ охотѣ Высочайшими особами.

Предъ входомъ въ звѣринецъ, на небольшой, кругомъ огороженной площадкѣ, находится недавно отстроенный деревянный двухъ-этажный охотничій домъ и помѣщеніе для сторожей звѣринца. Звѣринецъ распо-

ложенъ на 9-ой верстѣ отъ Бѣловѣжа и прилегаетъ съ одной стороны къ лѣсу, а съ другой къ селенію Буды. Онъ занимаетъ лѣсную площадь около 800 десятинъ величиною, огороженную со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ. Чрезъ него пролегаетъ дорога, проѣздъ по которой разрѣшается не иначе какъ начальствомъ пущи и ворота только тогда отмыкаются ключомъ, находящимся у ,стража этого заповѣднаго уголка; для пѣшеходовъ около воротъ устроена стремянка, самаго примитивнаго устройства, помощью которой поднимаются на высоту забора и спускаются во внутрь звѣринца служащіе въ пущѣ сторожа и лѣсники. Въ звѣринцѣ находится небольшое стадо зубровъ, которое лѣтомъ забирается въ глухіе уголки, а зимою держится вблизи выстроеннаго для продовольствія ихъ сѣнного сарая. Тамъ же держатся олени и небольшое число кабановъ. Олени, гораздо менѣе пугливые, чѣмъ зубръ, часто попадаются на встрѣчу человѣку, даже днемъ выходятъ на открытыя мѣста и позволяютъ, на нѣкоторомъ разстояніи, любоваться собою.

Кабаны, имѣвшіеся въ пущѣ въ недавнее еще время, лишь въ незначительномъ количествѣ, нынѣ настолько размножились, что сильно вредятъ крестьянскимъ полямъ, сосѣднимъ съ лѣсами, гдѣ живутъ. Вредя полямъ кабаны приносятъ нѣкоторую пользу самому лѣсу. Разрывая почву боровыхъ мѣстъ и разрыхляя землю, они способствуютъ произрастанію упавшихъ на нее сѣмянъ хвойныхъ породъ. Въ звѣринцѣ—лѣсъ смѣшанный; по дорогѣ большею частью лиственный. Огромные липы, клены и дубы дѣлаютъ дорогу, мѣстами густо заросшую сочною травою, чрезвычайно красивою. Эти же породы деревьевъ, съ прибавкою значи-

тельнаго количества крупныхъ грабовъ, перешли за ограду звѣринца и засѣли на небольшой площадкѣ, отдѣляющей его отъ сосѣдняго селенія Буды. Самое селеніе расположено въ живописномъ безпорядкѣ и окружено хорошо воздѣланными полями, кругомъ которыхъ темною сплошною стѣною стоитъ лѣсъ пущи. Жители Буды—довольно высокаго роста, стройные и красивые блондины, по виду зажиточные и опрятные. У нѣкоторыхъ хатъ садики, съ установленными въ нихъ толстыми колодами пчелъ, медъ которыхъ славится хорошими и даже цѣлебными качествами.

Населеніе Бѣловѣжской пущи вообще чрезвычайно разнообразно и смѣшано. Здѣсь расположились рядомъ, забывъ, подъ общимъ покровомъ родного лѣса, національную вражду и рознь славянскіе братья — русскіе, бѣлорусы, малорусы, литвины и мазуры*). Какъ самый говоръ, такъ равно наружность, костюмъ и все вообще обличие не представляютъ теперь никакой рѣзкой разницы у каждой изъ этихъ народностей, но въ общемъ вліяніе польскаго элемента всетаки преобладаетъ. Конечно туристу, на короткое время попадающему въ Бѣловѣжскую пущу, въ пору ознакомиться съ нею лишь поверхностно; разобраться въ массѣ сильныхъ впечатлѣній, которыми щедро даритъ его бѣловѣжская природа, почти немыслимо и этотъ уголокъ ждетъ еще солиднаго изслѣдователя, который съ должнымъ знаніемъ и правдивостью нарисовалъ бы картину пущи въ ея настоящемъ и прошломъ и охарактеризовалъ бы эту мѣстность въ естественно научномъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

Довольно значительное населеніе, давность посе-

*) Поляки, выходцы изъ древней Мазовіи.

3

селенія здѣсь, а равно и разнообразіе составныхъ элементовъ населенія—все это даетъ право заключить, что жизнь здѣсь когда то кипѣла обильнымъ ключомъ. Народная фантазія сохранила до сихъ поръ слѣды этой жизни, но надо съумѣть разбудить ее въ мѣстномъ жителѣ, расшевелить кажущуюся замкнутость и свойственную лѣсовику суровость, чтобы заставить его натуру высказать свою поэтическую сторону. Возбуждающимъ элементомъ служитъ самый лѣсъ, который милъ и дорогъ мѣстному жителю — вѣдь, среди пущи выросъ не только онъ самъ, но и многіе предки его по восходящей линіи и лѣсная природа во всѣхъ ихъ несомнѣнно оставила много живыхъ художественныхъ образовъ.

Недалеко отъ Бѣловѣжа находятся развалины стариннаго замка, строевой матеріалъ котораго послужилъ отчасти подспорьемъ для постройки большого дворца, красующагося среди большой центральной площадки пущи. Ни преданія, ни лѣтописи не упоминаютъ о старомъ замкѣ. Теперь это развалины среди громаднаго и разнообразнаго лѣса;—кленъ, дубъ, сосна, ель и другія породы здѣсь въ близкомъ другъ къ другу сосѣдствѣ. Разбросанные тамъ и здѣсь камни и уцѣлѣвшіе кое гдѣ остатки фундаментовъ даютъ представленіе о кипѣвшей здѣсь когда-то жизни на широкую и богатую руку, но камни молчатъ и не узнаемъ мы отъ нихъ, когда и для кого все это возводилось и какія событія разыгрывались какъ въ самомъ замкѣ, такъ равно и въ окружающей его мѣстности. Лѣсовикъ, которому ночью приходится проѣзжать или проходить мимо развалинъ, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и спѣшитъ удалиться. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, будто ночью видѣли огни, блуждающіе по развалинамъ замка и раз-

сказывается, что среди этой груды каменьевъ находится богатый кладъ, вынуть который не удалось никому изъ пытавшихся имъ воспользоваться.

Обитатели лѣса отличаются отъ жителей окрестныхъ деревень точно такъ-же, какъ различна и самая мѣстность, на которой живутъ тѣ и другіе.

Унылый видъ окружающихъ пущу окрестностей разнообразится только зеленью луговъ и полей; лѣсовъ нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ и взоръ безпрепятственно устремляется вдаль, упираясь въ подходящую къ полямъ окраину пущи.

Таковъ видъ всего тридцати-верстнаго пространства отъ живописнаго и немноголюднаго Бѣльска вплоть до деревни Гайновки и тутъ же начинающагося сосноваго лѣса. Безпощадное истребленіе лѣсовъ лишило окрестности пущи разнообразія и живописности. Одиноко и какъ то уныло и сиротливо стоятъ разбросанные тамъ и сямъ поселки и деревни; даже церкви и погосты не скрашены привѣтливою зеленью деревьевъ, жалкое подобіе которыхъ представляютъ посаженныя вдоль широкой дороги уродливыя и чахлыя ивы, не имѣющія даже въ самое цвѣтущее время года густой зелени. Само собою разумѣется, эта унылая и непривѣтливая мѣстность не можетъ не отражаться на складѣ характера здѣшнихъ жителей: несмотря на плодородіе почвы далеко раскинувшихся во всѣ стороны полей, доставляющее имъ, можетъ быть, и обильную физическую пищу, унылая природа не даетъ ничего для души и чувства. Само солнце, выращивая необходимые человѣку злаки, сушитъ въ концѣ концовъ и ихъ и самого воздѣлывателя почвы, ибо онъ лишенъ тѣхъ благодатныхъ даровъ природы, отъ которыхъ по неразумію добровольно от-

казался, нарушивъ, истребленіемъ лѣса, красоту и цѣлостность окружающей природы.

Ни мало не похожъ на мѣстнаго поселянина по своему обличію коренной житель лѣсовъ Бѣловѣжской пущи, всей душой любящій родной лѣсъ. Ни за что не промѣняетъ онъ лѣса на другую мѣстность, хотя бы та и представляла большія выгоды. Съ дѣтства воспитанный подъ таинственнымъ покровомъ пущи, онъ, незамѣтно для самого себя, становится созерцателемъ, его умъ и сердце чутко отзывчивы къ красотамъ окружающей природы, съ которой онъ тѣсно связанъ и которую научился любить и понимать по своему.

Время и одинаковость условій жизни сблизили между собою разнородные элементы населенія Бѣловѣжской пущи и содѣйствовали къ установленію однообразія въ ихъ одеждѣ, образѣ жизни и самой даже ихъ наружности. Лѣсовики не испытали на себѣ гнета крѣпостнаго права. Пуща составляла собственность польскихъ королей и поселенные въ ней жители платили въ казну опредѣленную подать, оставаясь затѣмъ людьми совершенно свободными. Они отличаются сравнительно высокимъ ростомъ, худощавы, почти тощи, бѣлолицы, съ большими вдумчивыми глазами, имѣютъ лицо красивое, симпатичное, черты тонкія. Одѣвается Бѣловѣжецъ въ сѣраго цвѣта домашняго издѣлія суконную свитку, холщевые штаны и лапти. Головной уборъ его—синяя съ козырькомъ шапка, или нѣчто въ родѣ синей конфедератки. По вѣроисповѣданію пущане — православные и католики; первыхъ значительно больше и всѣ они присоединены изъ господствовавшей здѣсь уніи, слѣды которой сохранились и доселѣ. Повсюду можно встрѣтить огромной величины кресты, или кршижи, какъ

ихъ здѣсь называютъ, поставленные въ разныхъ мѣстахъ пущи католиками и православными. Чествуя свои праздники, православные не забываютъ и католическихъ и съ одинаковымъ почтеніемъ относятся къ ксендзу и къ своему священнику. Поселенные здѣсь жители одинаково связаны общей любовью къ пріютившему и выростившему ихъ лѣсу пущи, за предѣлами котораго все кажется имъ унылымъ и пустымъ. Зная прекрасно родной лѣсъ, они конечно лучше чѣмъ кто нибудь способны смотрѣть за нимъ и исполнять тѣ обязанности, которыя вызываются управленіемъ и хозяйствомъ пущи. Кромѣ опредѣленныхъ, такъ сказать, штатныхъ занятій, которыя выпадаютъ, конечно, далеко не на долю всѣхъ, здѣшніе крестьяне имѣютъ хорошій заработокъ по вырубкѣ и вывозкѣ лѣса. Такой заработокъ, помимо обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства, доставляетъ лишнюю копѣйку и дѣлаетъ ихъ зажиточными. Евреи, обсѣвшіе пущу со всѣхъ сторонъ и составляющіе большинство населенія въ сосѣднемъ Бѣльскѣ, далеко не многочисленны среди крестьянъ, живущихъ въ самомъ лѣсу и его ближайшихъ окрестностяхъ. По сложившемуся изстари обычаю, мѣстные жители не допускаютъ ихъ распространенія и терпятъ только опредѣленное количество жидовъ, которые по обыкновенію не знаютъ иного занятія, какъ мелочной торгъ и продажа хлѣбнаго вина. Эти торговцы носятъ здѣсь особое названіе д ѣ д к о в и ч е й, характеризующее данное имъ маіоратное право передавать свои владѣнія отъ отца къ сыну, при чемъ остальныя дѣти выдѣляются для разнаго рода занятій внѣ предѣловъ пущи. Торговля лѣсомъ тоже идетъ чрезъ посредство евреевъ, среди которыхъ выработались превосходные таксаторы;

безъ услугъ послѣднихъ не обходится ни одна коммерческая сдѣлка, во время производства публичныхъ торговъ.

На большомъ и бойкомъ трактѣ отъ селенія Гайновки, у котораго собственно начинается самая пуща, до центральнаго Бѣловѣжа проложена прекрасная дорога длиною около 20 верстъ. По дорогѣ этой постоянно тянутся возы съ лѣсомъ, вывозимымъ съ разныхъ мѣстъ пущи на Гайновскую паровую лѣсопилку, которая изъ сухостойныхъ и упавшихъ отъ бурелома деревьевъ вырабатываетъ превосходныя доски. Такимъ путемъ очищается и самый лѣсъ, и увеличивается его доходность безъ ущерба для его цѣлости.

Широкая дорога эта пролегаетъ чрезъ сплошной лѣсъ, сперва сосновый, а затѣмъ ближе къ Бѣловѣжу, бока дороги обрамляются, какъ въ старинныхъ паркахъ, превосходными дубами, ясенями, кленами и грабами. Величиною своею деревья особенно здѣсь выдаются— люди и двигающіяся по дорогѣ повозки, кажутся совершенно ничтожными на ряду съ великанами деревьями, которые, окаймляя дорогу и склоняясь другъ къ другу, сплетаютъ на громадной высотѣ свои красивыя вершины.

Въ самомъ Бѣловѣжѣ находится центральное управленіе пущи и тутъ же недавно выстроенъ уже упоминавшійся красивый Императорскій дворецъ среди ровной и обширной площадки съ протекающей чрезъ нее рѣчкой Наревкой. Вблизи дворца красуется нѣсколько мощныхъ дубовъ и небольшая аллея громадныхъ липъ. Берега рѣчки обросли сочною травою и осокою настолько густо, что воды ея почти незамѣтны, а за рѣчкой дальше, вслѣдъ за воздѣланными полями, тянется

сплошной стѣною лѣсъ пущи, который и обступаетъ площадку со всѣхъ сторонъ.

Правленіе пущи старается, по возможности, очистить лѣсъ отъ громадныхъ грудъ валежника, а также и отъ сухостоя, но много рукъ и много времени потребуется, прежде чѣмъ пуща приметъ видъ, пожалуй, не свойственный ея древности и тому особому характеру, который наложила на нее рука времени. Лѣсныя богатства пущи, при правильномъ хозяйствѣ, неистощимы и на долгое время этотъ рѣдкостный лѣсъ, а равно живущій въ немъ не менѣе рѣдкій зубръ будутъ привлекать къ себѣ любознательныхъ любителей чистой, безъискусственной природы.

РИСУНКИ:

25. Клены и липы въ Звѣринцѣ.
26. Пчельникъ въ селеніи Буды.
27. Сухостойный лѣсъ.
28. Валежникъ
29. Старый валежникъ.
30. Остатки громаднаго дуба.
31. Старый валежникъ.
32. Упавшій могучій дубъ.
33. Лѣсное кладбище.
34. Вывороченные пни, обросшіе малинникомъ.
35. Остатки лѣса послѣ вырубки отмѣченныхъ деревьевъ.
36. Дубовые пни.
37. Догнивающій великанъ.
38 Молодая заросль.
39. Стволъ обросшаго мхомъ дерева среди молодой лиственной заросли.
40 Молодой хвойный лѣсъ.

2

4

6

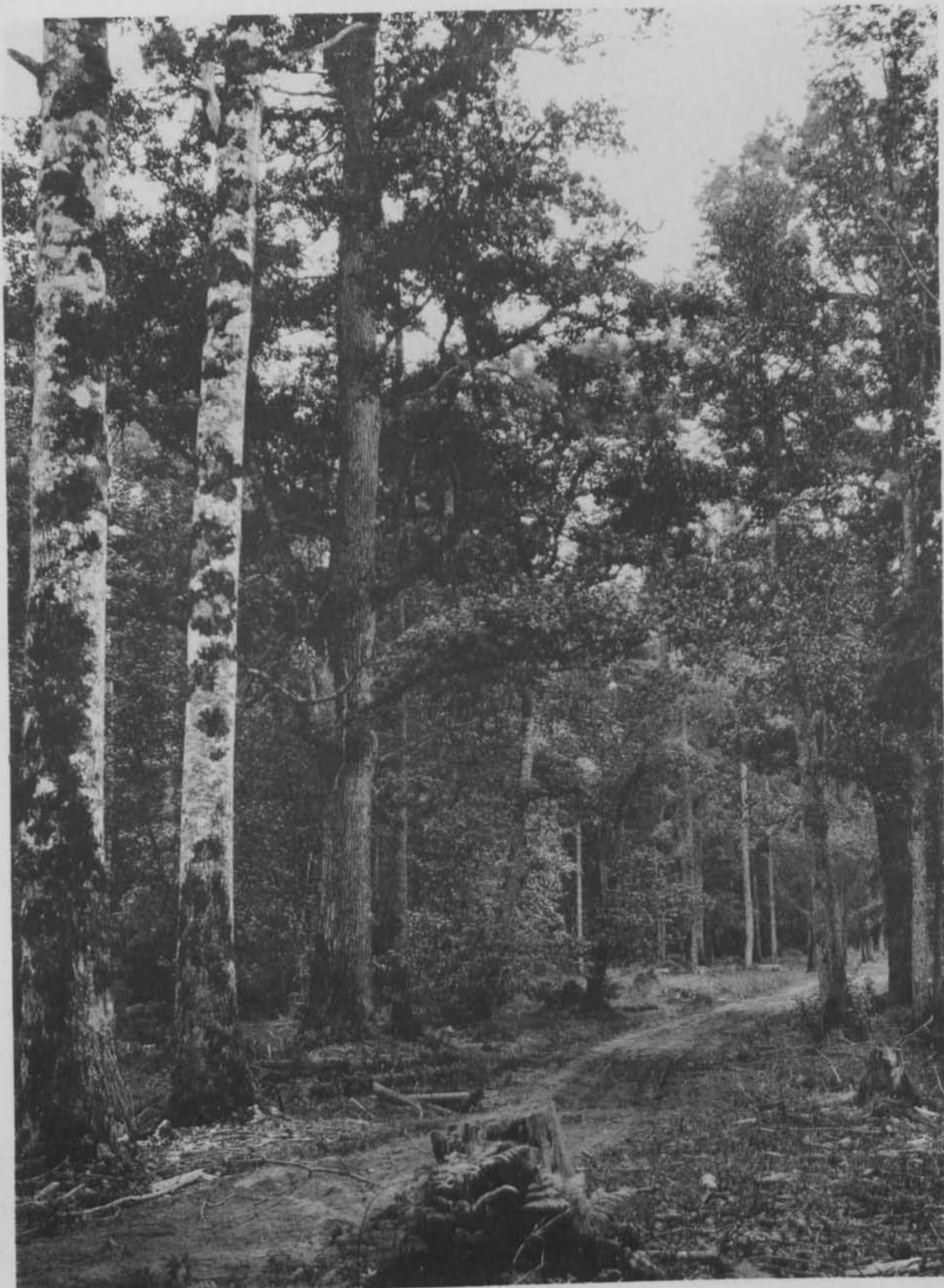

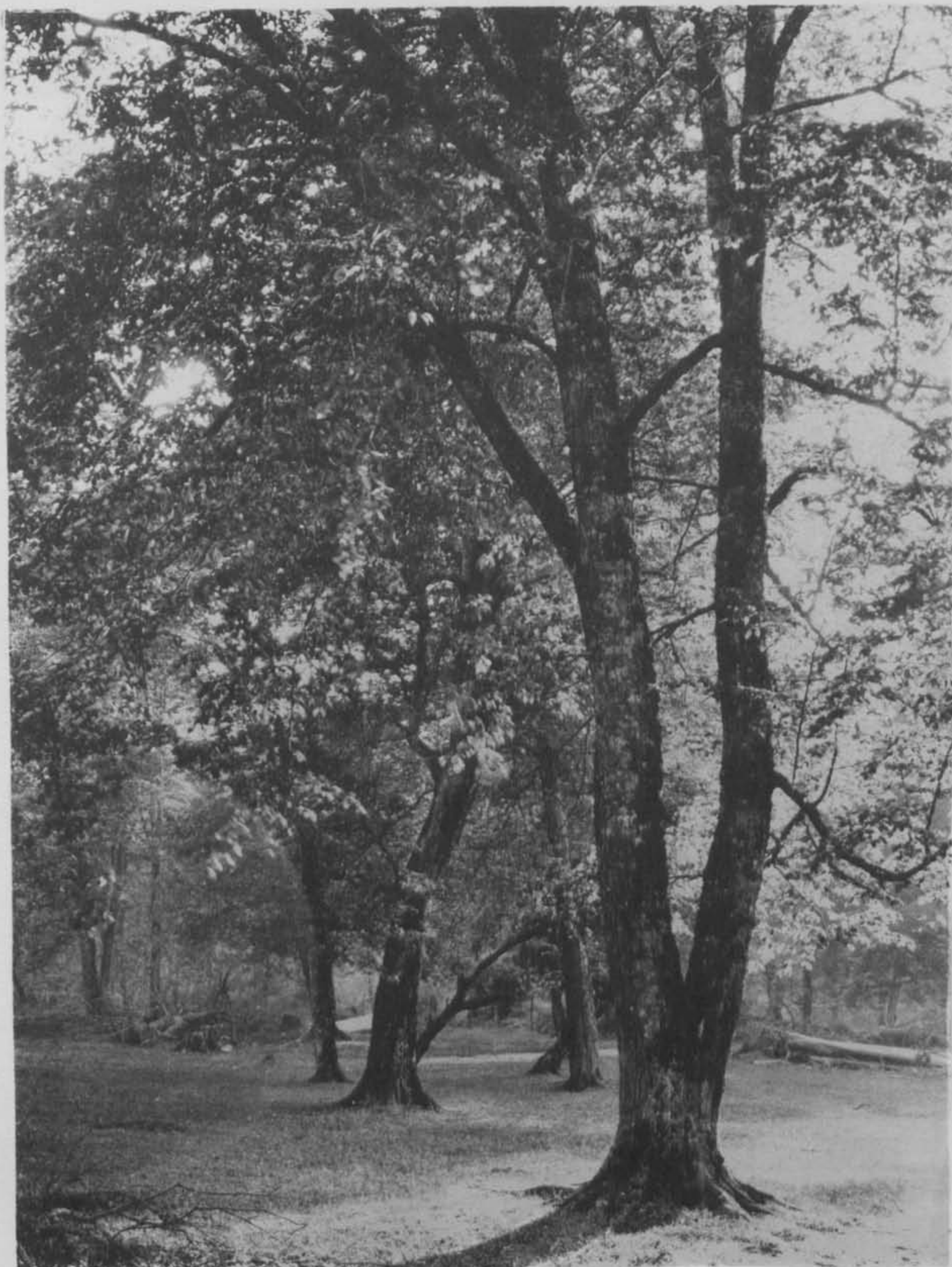

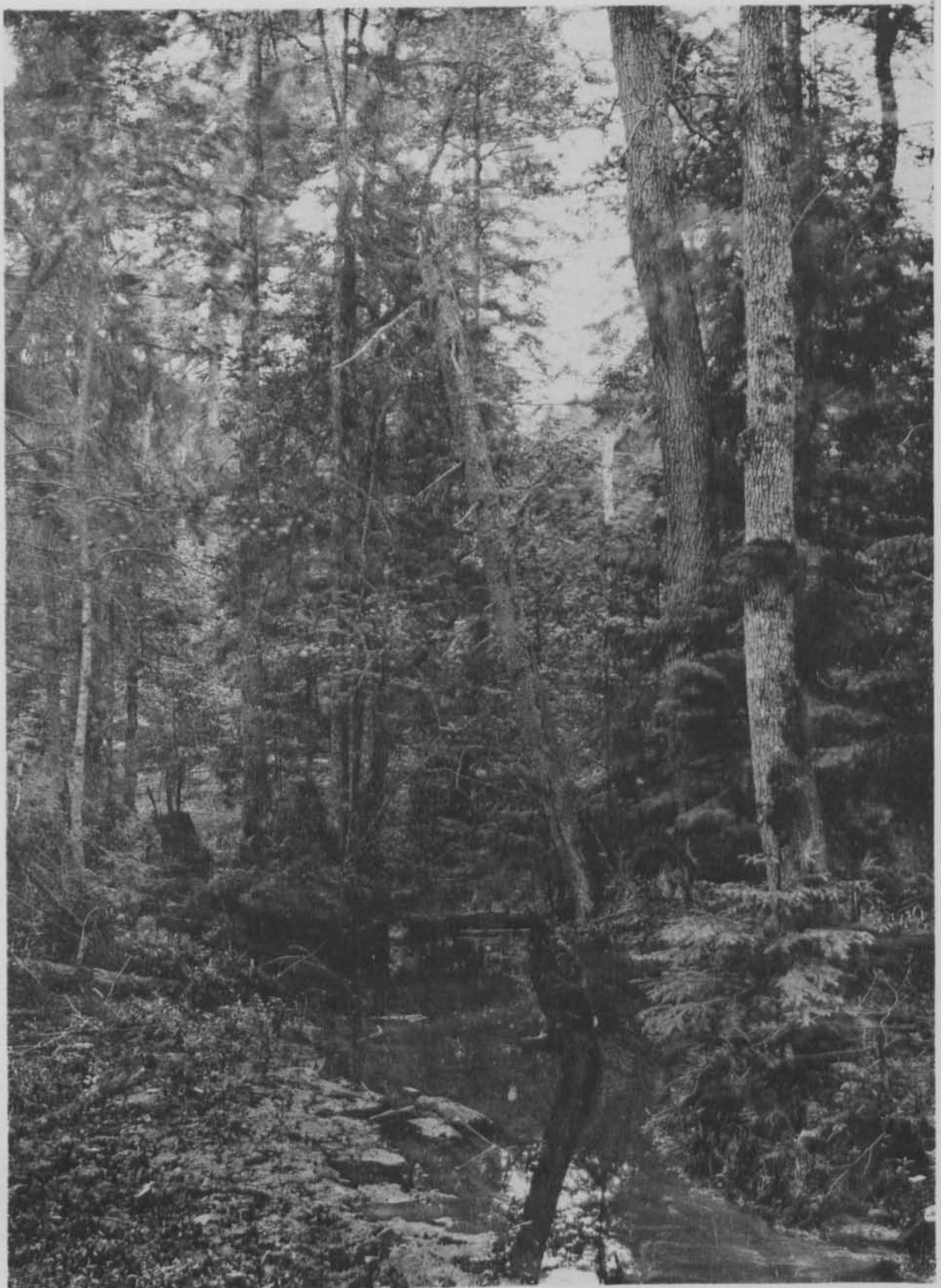
10

11

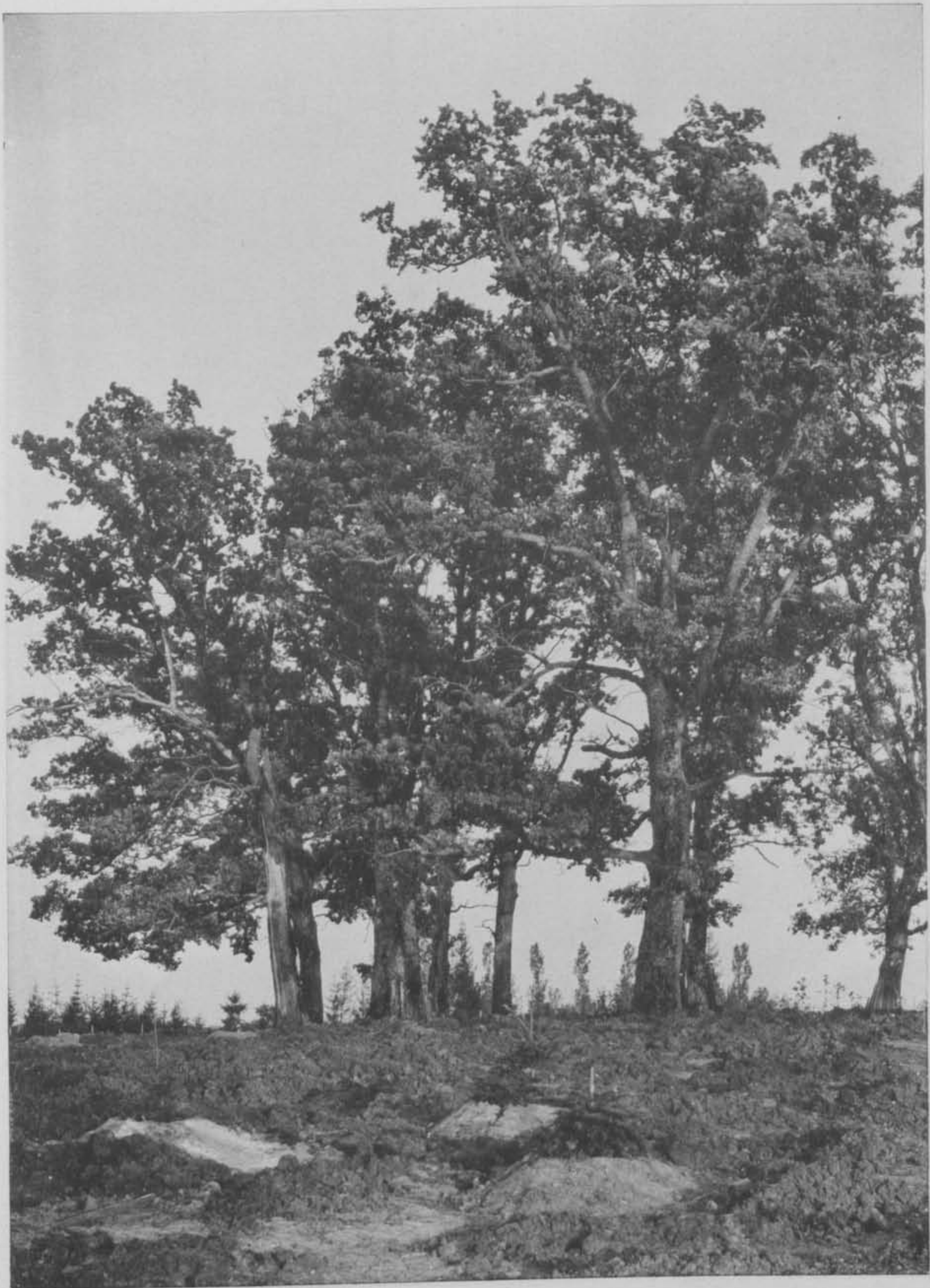
15

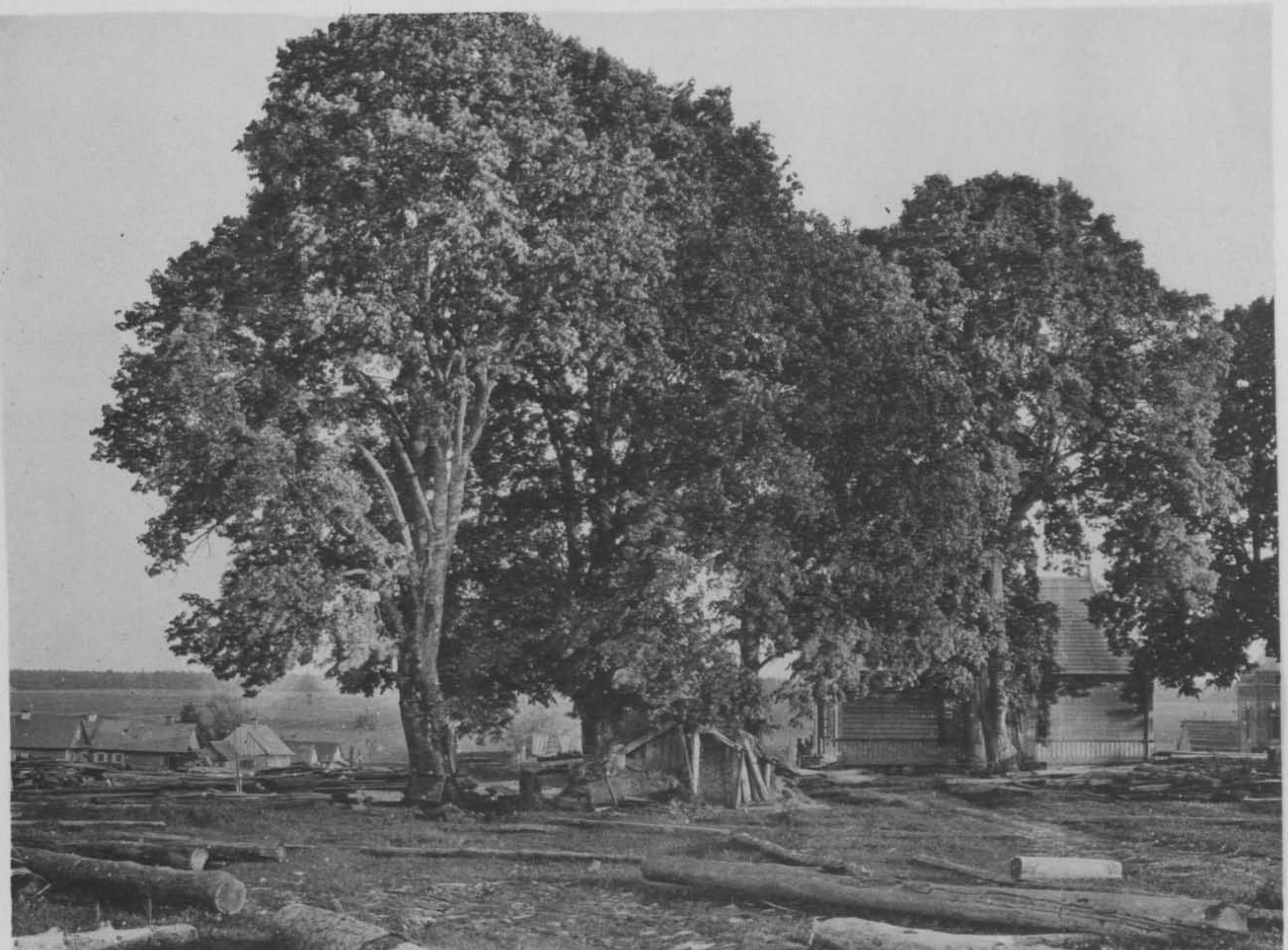

16

17

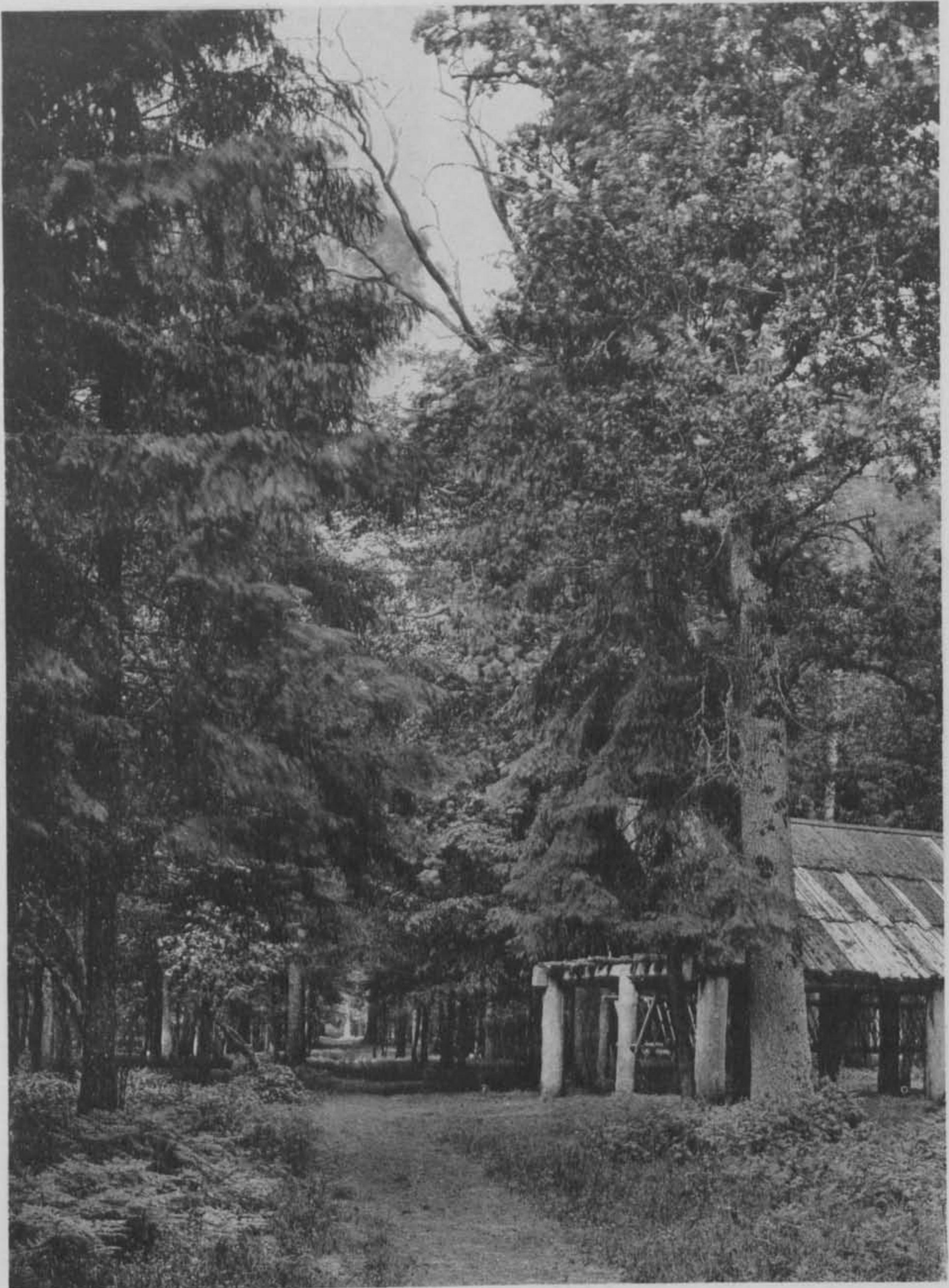

21

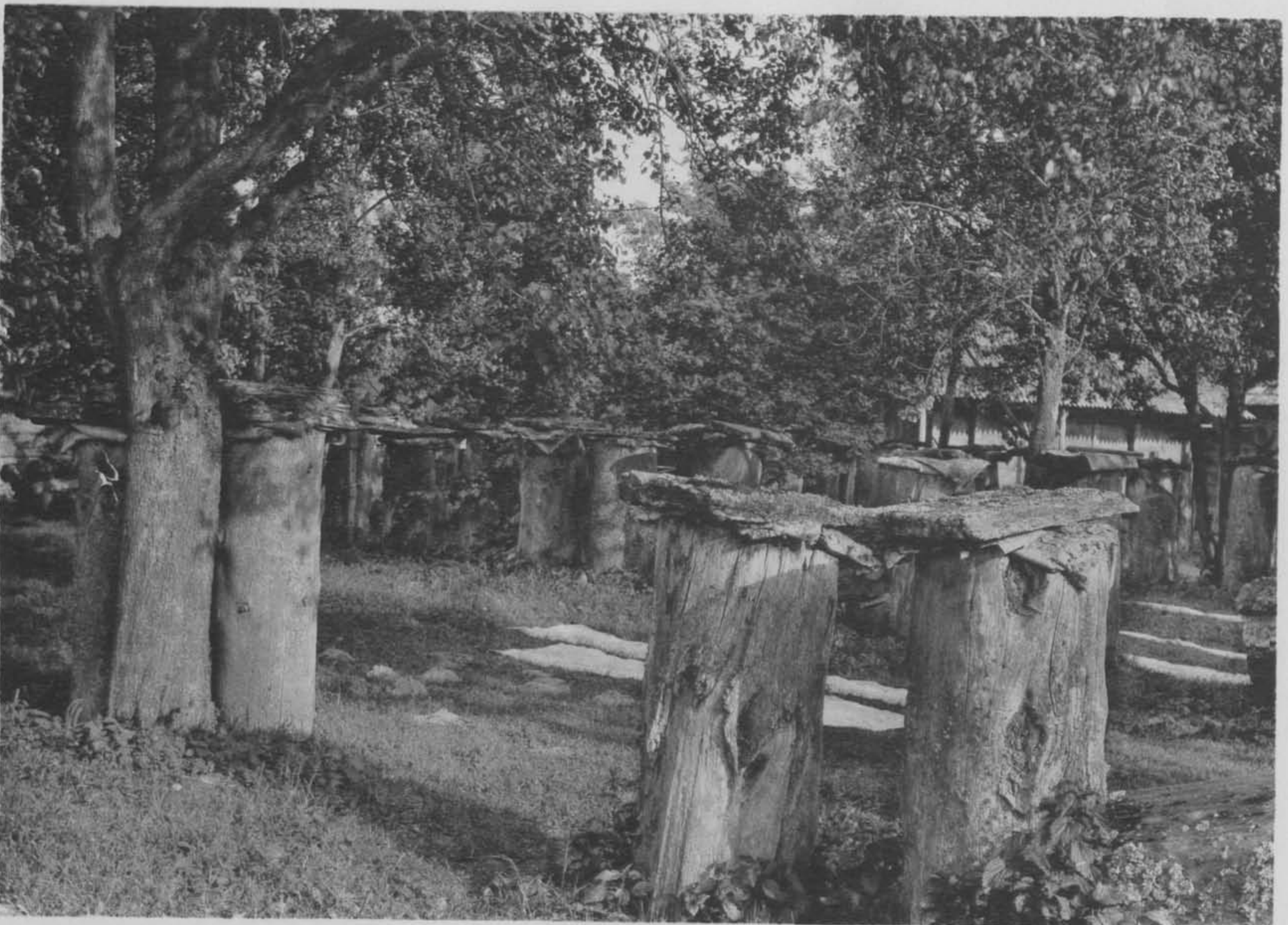

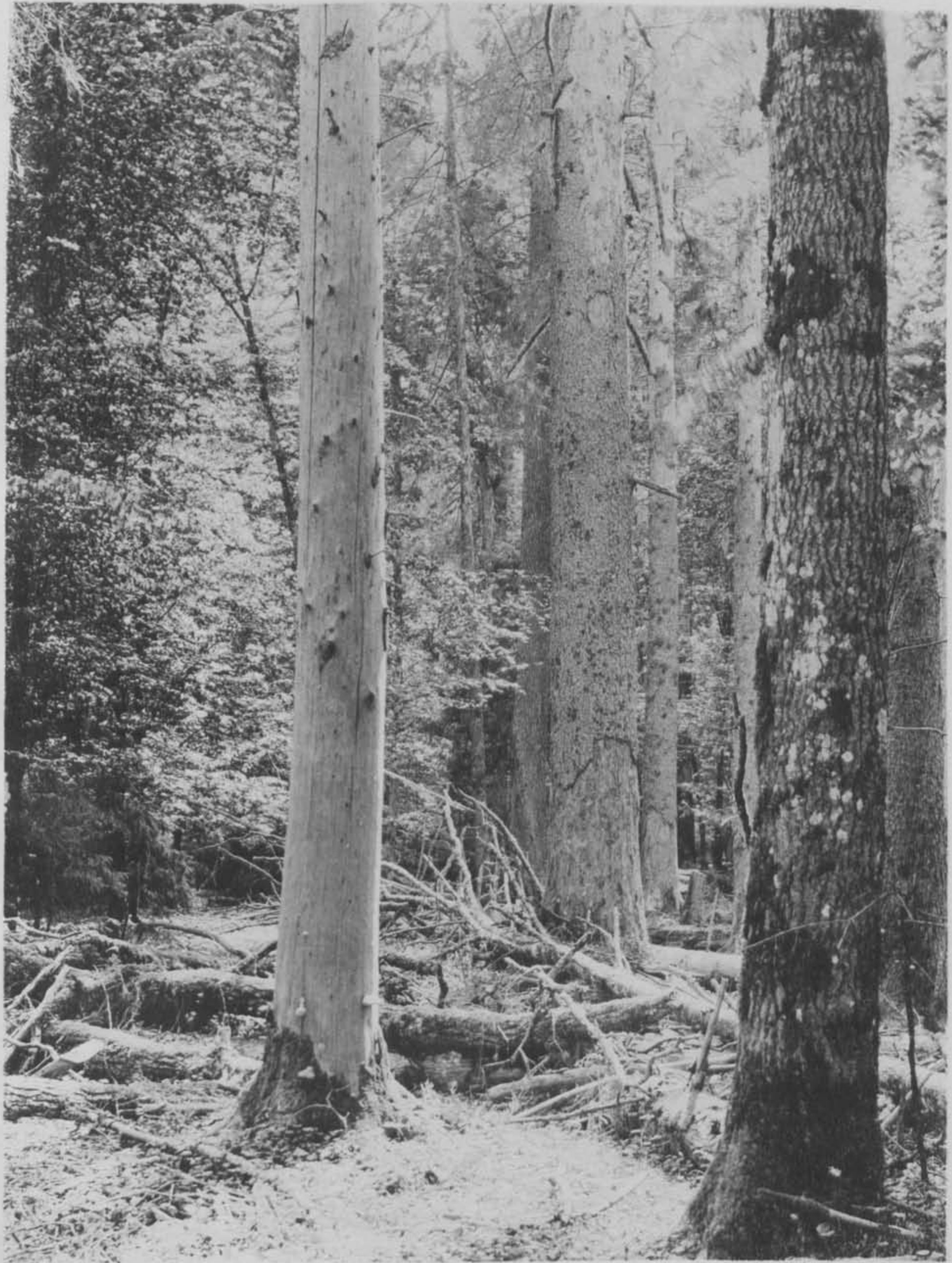
23

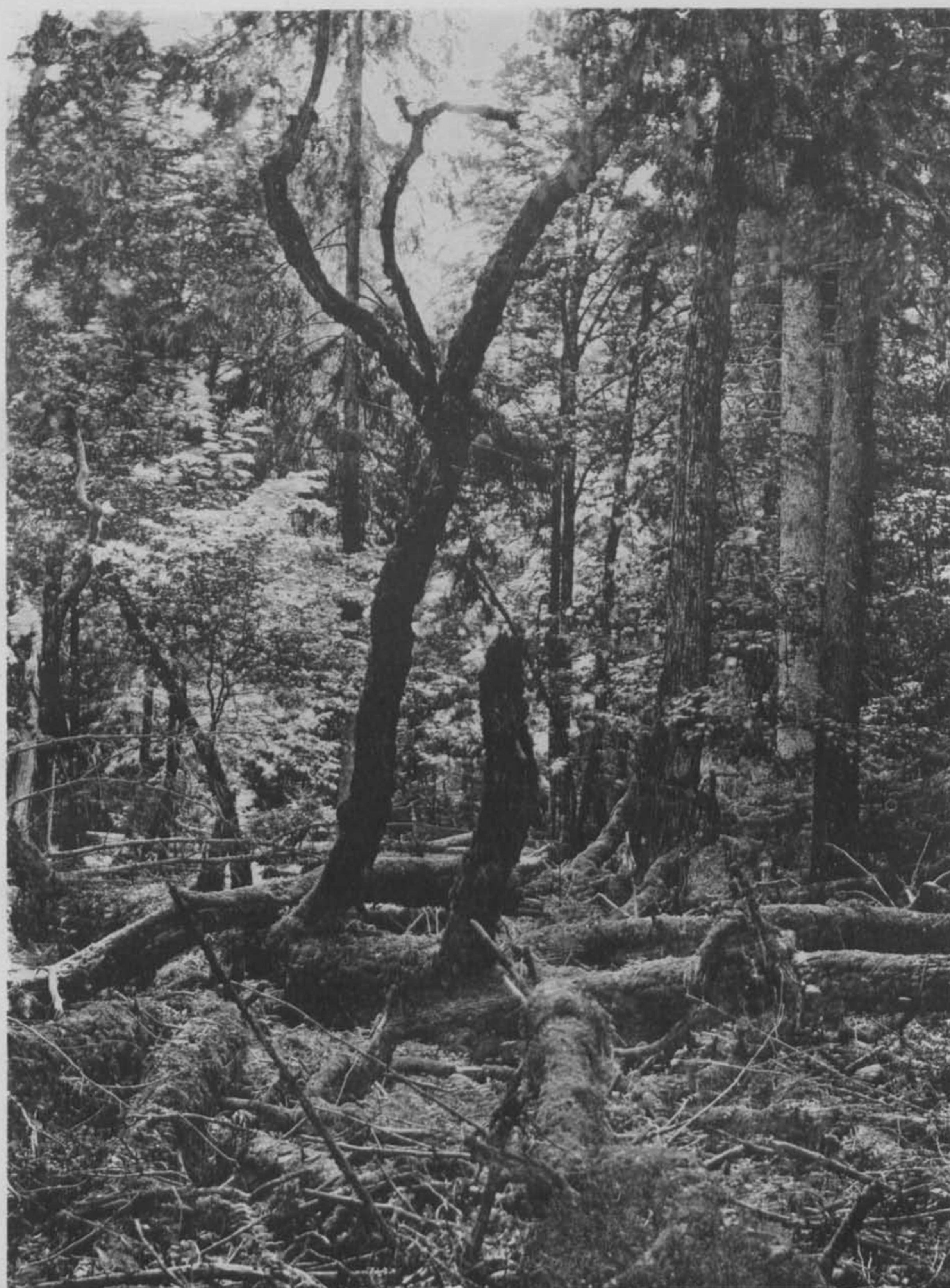

24

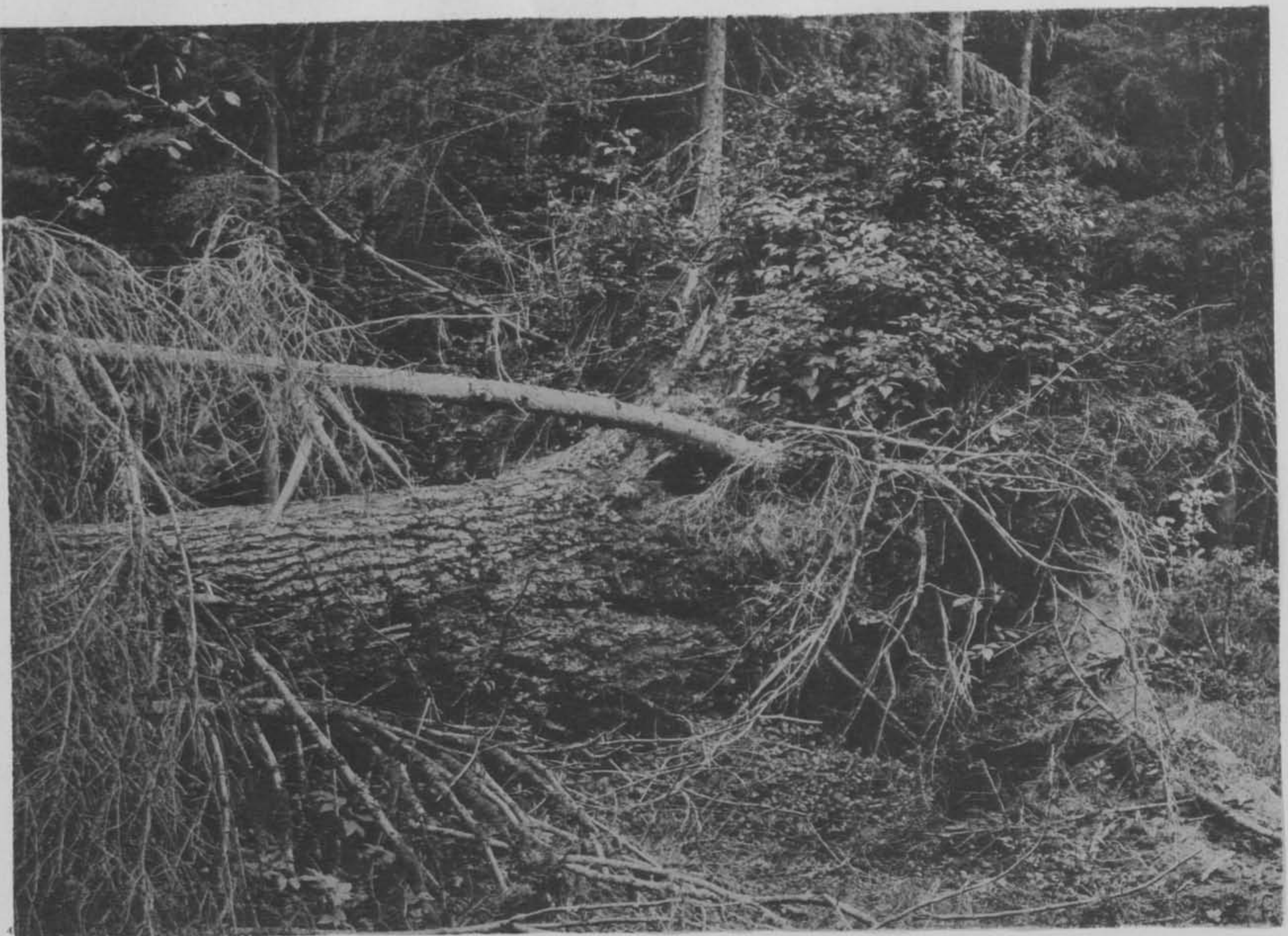

29

32

33

34

35

B000000 196 15 19